
Е.В. Амелина

Пейзаж и его функции в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

Основная особенность изображения природы в романах Толстого — изображение ее в неразрывном единстве с человеком, его чувствами. Восприятие природы, умение слиться с ней — один из основных личностных критериев для толстовских героев. Именно эти свойства определяют у писателя гармоничность развития личности, нравственное здоровье человека, его жизненную силу, смысл существования.

Пейзаж у Толстого всегда реалистичен, четок, очень конкретен. Вместо тургеневских полутонов, оттенков красок здесь мы встречаем четкие, определенные линии, очертания предметов, внимание к основному цвету. Как замечает Г. Курляндская, для пейзажей писателя характерна «изумительная рельефность изображения», все предметы в этих пейзажах имеют четкое месторасположение. Пейзаж у Толстого прост, лишен излишней сентиментальности, «свободен от пут поэтических ассоциаций», экспрессивных эпитетов, в отличие от поэтических, таинственных пейзажей у Тургенева. Но, как и в романах Тургенева, природа у Толстого дается в восприятии героя. Писатель подчеркивает глубокую, действенную связь между картинами природы и сложной душевной жизнью человека. И этим пейзаж у Толстого напоминает нам пейзажи, созданные Лермонтовым в романе «Герой нашего времени».

Попробуем проанализировать различные виды пейзажей в романе «Война и мир». Функции пейзажа в романе разнообразны. Являясь элементом композиции, описания природы создают фон, на котором происходит действие, предваряют те или иные события, создают определенное настроение, выступают в качестве средства характеристики героев. Наиболее важная функция пейзажа в романе — это обозначение внутреннего состояния героев, состояния их дум и чувств.

Восприятие природы определяет многие душевные движения Андрея Болконского. Так, однажды «открытое им» бесконечное, голубое небо сопровождает затем все взлеты и падения героя, представляется ему в минуты величайшего счастья и неизбежного горя.

Впервые это высокое, торжественное небо с бегущими по нему облаками явилось князю Андрею, когда он, раненый, лежал на Аустерлицком поле.

«Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. “Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей... Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба”».

Образ неба, символизирующего вечность, создается благодаря характерным эпитетам («бесконечного неба», «неизмеримо высокого» неба), метафоре («тихо ползущими по нем серыми облаками»).

Торжественное, величавое и равнодушно-безмятежное небо открывает Болконскому всю суетность и ничтожность его честолюбивых помыслов. И в этом плане пейзаж здесь имеет сюжетобразующее значение. Князь Андрей переживает душевный кризис, определивший весь последующий этап его жизни. Честолюбивые помыслы и активное участие в общественной жизни сменяются в Болконском бездействием, равнодушием ко всему. «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызения совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол», — говорит князь Андрей приехавшему к нему Пьеру.

Безухов убеждает его в том, что есть Бог, истина, добродетель, призывает его любить и верить. Заодно с Пьером и природа, которая как будто просит князя Андрея по-

верить другу. Болконский смотрит на красный отблеск солнца по синеющему разливу, прислушивается к тишине, и ему кажется, что волны, со слабым стуком ударяясь о дно парома, приговаривают: «Правда, верь этому».

И после разговора с Пьером князь Андрей «в первый раз после Аустерлица... увидел то высокое, вечное небо, которое он видел на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе».

Тот же самый мотив неба возникает и в другом пейзаже романа, когда князь Андрей приезжает в Отрадное.

«Как только он открыл ставни, лунный свет, как будто он настороже у окна давно ждал этого, ворвался в комнату. Он отворил окно. Ночь была свежая и неподвижно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных деревьев, черных с одной и серебристо-освещенных с другой стороны. Под деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями. Далее за черными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правее большое кудрявое дерево, с ярко-белым стволом и сучьями, и выше его почти полная луна на светлом, почти беззвездном весеннем небе. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этом небе».

Здесь Толстой использует эмоционально-цветовые эпитеты (ночь «свежая и неподвижно-светлая», «серебристо-освещенные» и «черные» деревья, «ярко-белый ствол»), сравнение (лунный свет ворвался в комнату так, «как будто он настороже у окна давно ждал», когда отворят окна). Кроме того, здесь мы можем отметить четкое месторасположение в пространстве всех предметов, картин, составляющих пейзаж.

Пейзаж этот, кроме того, раскрывает внутренний облик Наташи, желающей улететь в небо, и поэтизирует зарождающееся в князе Андрее чувство любви. Пейзажи, поэтизирующие любовь в романе, традиционно лунные (загадочная святочная ночь оттеняет взаимное чувство Николая и Сони).

Чувства Болконского после разрыва с Наташей писатель снова передает через восприятие героем бесконечного, голубого неба:

«...тот бесконечный удаляющийся свод неба, стоявший прежде над ним, вдруг превратился в низкий, определенный, давивший его свод, в котором все было ясно, но ничего не было вечного и таинственного».

Образ неба является лейтмотивным для князя Андрея. В этом образе — «величие, идеальность, бесконечность стремления» и «отрешенность, холодность». Обратная сторона рассудочности, рациональности, строгости героя — это жажда чего-то абсолютного и вечного, жажда «небесного» совершенства. Но совершенство это должно открыто проявлять себя в явлениях жизни, идеал должен совпадать с реальностью. Разрыв между «небом» и земной реальностью для героя непреодолим, и в этом глубочайший трагизм образа Болконского.

В своей жизни князь Андрей пробует преодолеть этот разрыв, и Толстой вновь оттеняет состояние героя пейзажами. По опекунским делам своего сына Болконский едет в рязанские имения, и Толстой рисует здесь великолепную картину весеннего леса.

«Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы белых весенних облаков, разбегавшихся по яркой синеве неба... В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Береза, вся обсеянная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и из прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала, зеленея, первая трава и лиловые цветы».

Однако Болконского не трогает «обаяние весны». Вот он заметил старый огромный дуб, с обломанными суками, глядящий «каким-то старым, сердитым и презрительным уродом».

«Весна, и любовь, и счастье! — как будто говорил этот дуб. — И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман. Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца,

ни счастья. Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, и вон и я растопырил свои обломанные, ободренные пальцы, где ни выросли они — из спины, из боков. Как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, как будто чего-то ждал от него. Эти ожидания героя — желание еще раз утвердиться в мысли о бесполезности и бессмысленности жизни. Князь Андрей чувствует гармоническое соотношение природы и своего состояния, он окончательно укрепляется в своих безнадежных мыслях. Закрепляя настроение героя, природа придает мыслям Болконского печально-торжественный лад. Он ощущает какую-то мудро-справедливую закономерность своего состояния.

Однако уже выбранный писателем природный образ символизирует заблуждение героя. Дуб всегда считался символом крепости и прочности жизни, долголетия. В этом смысле «старые болячки» на могучем, сильном дереве противоестественны. Толстой здесь как будто подчеркивает преждевременность духовного старения героя, намекает на его богатый внутренний потенциал, на внутреннюю силу его, дающую возможность выхода из душевного кризиса. В Отрадном Болконский видит Наташу, беспечную и счастливую, слышит невольно ее разговор с Соней, и в душе его поднимается «неожиданная путаница молодых мыслей и надежд».

Возвращаясь обратно, князь Андрей не узнает старого дуба.

«Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные, молодые листья так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. “Да это тот самый дуб”, — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления»

Истоки толстовского параллелизма в описаниях человека и природы — в народной поэзии. В народной песне герои часто сравниваются с образами могучего дуба, плакучей ивы, рябины, в поэтике народной песни большую роль играют солнце, звезды, месяц, заря, закат — в связи с описанием человеческих переживаний. Пейзажи раскрывают нам душевные состояния и другого героя, Пьера Безухова. Так, зарождающееся чувство любви к Наташе, еще не вполне осознаваемое им самим, Толстой оттеняет описанием зимней морозной ночи, когда Пьер покидает дом Ростовых.

«Было морозно и ясно. Над грязными, полутемными улицами, над черными крышами стояло темное звездное небо. Пьер, только глядя на небо, не чувствовал оскорбительной низости всего земного в сравнении с высотой, на которой находилась его душа. При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба... стояла огромная яркая комета 1812 года, та самая, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду... Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе».

Однако в этом пейзаже заключен более глубокий смысл. Звезда 1812 года — звезда счастья для Пьера и Наташи. И она, звезда 1812 года, взошла над Россией, это звезда русского народа, это — звезда истории. Она пророчит беды и торжество всему народу в его исторической жизни и герою романа — в его жизни. Неразрывно и полно сливается лирическое с эпическим в этом образе, как и во всем романе.

Пейзажи в романе связаны и с духовной эволюцией героя. Так, с помощью картин природы Толстой анализирует чувства, испытываемые Пьером во время французского плена. Пейзажи здесь передают особое ощущение внутренней свободы, полноты и «крепости жизни», обретенное героем после всех жизненных испытаний.

«Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидел холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок, и когда потом вдруг брызнуло светом с востока и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, все заиграло в радостном свете, — Пьер почувствовал новое, не испытанное им чувство радости и крепости жизни».

Анафорические повторы («когда», «когда», «и когда»), многосоюзие, метафоры («брызнуло светом с востока», «извивающийся над рекою лесистый берег») подчеркивают многообразие, многоцветье жизни, которая не может быть ограничена опытом отдельного человека, и тем более теми или иными жизненными обстоятельствами.

И Толстой подчеркивает, что радостное чувство, понимание этого рождается в герое через особое осмысление жизни, особое восприятие ее. Пьер, как никогда ранее, ощущает Божественное начало в мире, ощущает себя частичкой бытия, сознавая бессмертие своей души. Писатель оттеняет состояние героя картиной спокойной ночной природы:

«Высоко в светлом небе стоял полный месяц. Леса и поля, невидные прежде в расположении лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этих лесов и полей виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая в себя бесконечная даль. Пьер взглянул на небо, в глубь уходящих, играющих звезд. “И все это мое, и все это во мне, и все это я! — думал Пьер. — И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!” Он улыбнулся и пошел укладываться спать к своим товарищам».

Князь Андрей и Пьер по-разному смотрят на небо: «дух одного устремляется в бесконечную даль, Пьер же сводит небо со звездами и заключает в своей личности... Противопоставление неба и земли снимается в созерцании пленного Пьера, таковы его новая небо и новая земля» (С. Бочаров). Пейзаж этот подчеркивает обретение героем нового мироощущения, новой жизненной философии.

Картины природы выступают в романе и как средство характеристики персонажей. Более других в романе близка к природе Наташа Ростова. Любовь к природе определяет естественность поведения героини, ее интуитивное чувствование людей, поэтичность, «жизнь сердцем». Наташа восхищается прелестью летней ночи в Отрадном, она обожает осеннюю охоту, с ее бешеной скачкой, лаем гончих, утренним морозным воздухом.

Сцена охоты занимает в романе четыре главы. И природа здесь — «не только пейзаж, но и тот мир первозданности, мир диких животных, зверей, с которым соприкасается человек. Общение с природой... ослабляет воздействие на человека фальшивых условностей повседневного бытия; в нем пробуждаются естественные, “первозданные” страсти. С замечательным мастерством Толстой передает развитие этих страстей. Под пером художника оживает и первозданность самой природы. Матерый волк, заяц, собаки... становятся своего рода персонажами, поведение которых подробно описывается» (М. Храпченко).

Сами люди здесь становятся чем-то похожими на зверей. Так, в Николае желание «затравить матерого волка» подчиняет себе все остальные чувства. Наташа визжит так пронзительно и дико, что «она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивляться ему, ежели бы это было в другое время». Однако в глазах Толстого умение человека неразрывно слиться с природой и почувствовать себя частичкой ее — это положительные черты, во многом предопределяющие гармоничность земного существования его.

Элен Безухова, Анна Павловна Шерер, князь Василий, Анатолий, Борис Друбецкой, Анна Михайловна, Вера Ростова — все эти герои, напротив, далеки от мира природы. И это «отчуждение» определяет фальшивость и неестественность их поведения, их позер-

ство, рациональность, своеобразную бесчувственность, порой — безнравственность, «ложные жизненные цели».

Пейзажи, открывающие сцены сражений, нередко символизируют грядущий исход битвы. Так, например, Аустерлицкое сражение в романе предваряет картина все время усиливающегося тумана.

«Ночь была туманная, и сквозь туман таинственно пробивался лунный свет».

«Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собою. Кусты казались громадными деревьями, ровные места — обрывами и скатами... Но долго шли колонны все в том же тумане, спускаясь и поднимаясь на горы... Каждому солдату приятно становилось на душе от того, что он знал, что туда же, куда он идет, то есть неизвестно куда, идет еще много, много наших».

«Туман, расходившийся на горе, только гуще расстился в низах, куда спустились войска».

В этом тумане Ростов все время обманывается, «принимая кусты за деревья и рывины за людей».

Пейзаж этот многозначен: туман символизирует в этом эпизоде человеческие заблуждения, неизвестность, неопределенность исхода сражения, ошибочность мнений русских офицеров. Солдаты идут «неизвестно куда» — уже этой фразой писатель намекает на возможность неблагоприятного исхода Аустерлицкого сражения.

Русские войска, воодушевленные присутствием императора, уверены в предстоящей победе. И Ростов, и Денисов, и ротмистр Кирстен, и князь Долгоруков, и Вейротер, и сам Александр I — все рассчитывают на благополучный исход сражения. «Девять десятых людей русской армии в то время были влюблены... в своего царя и в славу русского оружия», — пишет Толстой. Собственное поражение предполагает лишь один Кутузов, четко осознавая, что русские войска идут наугад, не зная точно, где находятся французы.

Пейзаж же, сопровождающий Наполеона, символизирует грядущую победу в Аустерлицком сражении.

«Туман сплошным морем расстился понизу, но при деревне Шлапарице, на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было юное голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыхался на поверхности молочного моря тумана... Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой белой руки... и отдал приказание начинать дело».

Огромное, ослепительное солнце, соотнесенное с образом Наполеона, напоминает о «короле-солнце» — Людовике XIV. Об этом же говорит и багровый цвет солнца, ассоциирующийся у нас с царственным пурпуром. Солнце в этом пейзаже символизирует особое положение императора среди французских войск, честолюбие Наполеона, его самомнение, его «искусственный мир призраков... величия».

Характерен также пейзаж, предваряющий Бородинское сражение. Пьер, приехавший на Бородинское поле, поражен красотой открывшегося зрелища.

«...Вся эта местность была покрыта войсками и дымами выстрелов, и косые лучи яркого солнца, поднимавшегося сзади, ...кидали на нее в чистом утреннем воздухе пронизывающий с золотым и розовым оттенком свет и темные, длинные тени. Дальние леса, заканчивающие панораму, точно высеченные из какого-то драгоценного желто-зеленого камня, виднелись своей изогнутой чертой вершин на горизонте... Ближе блестели золотые поля и перелески. Везде — спереди, справа и слева — виднелись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно».

На Бородинском поле стоял «тот туман, который тает, расплывается и просвечивает при выходе яркого солнца и волшебным образом окрашивает и очерчивает все виднеющееся сквозь него».

Великолепная картина эта подчеркивает красоту русской природы, символизируя собой Россию, все то, что русские солдаты должны были отстоять на Бородинском поле. Ощутимо звучит в этом пейзаже мотив противостояния разумности природы и неразумности человеческих устремлений, несущих в себе противное человеческой природе, смерть и страдания. Кроме того, величественная картина природы здесь усиливает впечатление торжественности происходящего, подчеркивает значительность данной минуты.

Характерно, что, как и перед Аустерлицким сражением, на Бородинском поле — «туман и дым». Однако туман этот вскоре «тает, расплывается и просвечивает при выходе яркого солнца». Писатель как бы намекает нам на призрачность планов Наполеона, на то, что мечты французов о завоевании России могут растаять, подобно утреннему туману.

Характерно, что солнце здесь — «застилаемое дымом». Так как солнце в какой-то степени соотносится с образом Наполеона в романе, то пейзаж этот символизирует грядущее моральное поражение французских войск и смятение императора, когда «ужасный вид поля сражения победил ту душевную силу, в которой он полагал свою заслугу и величие».

Пейзажи в романе раскрывают и философские взгляды Толстого. Так, заключительный пейзаж сцены Бородинского сражения подчеркивает губительное влияние человеческой цивилизации, приведшей к бессмысленным войнам.

«Над всем полем, прежде столь весело-красивым, с его блестящими штыками и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странной кислотой селитры и крови, Собирались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и изнуренных, и на сомневающихся людей. Как будто он говорил: “Довольно, довольно, люди. Перестаньте...Опомнитесь. Что вы делаете?”»

Как отмечает дореволюционный исследователь Рождествов, у Толстого чувство природы развивалось под влиянием Руссо. Природа и цивилизация противопоставлены в сознании писателя. И этим Толстой напоминает нам Лермонтова, в творчестве которого мир природы противопоставлен миру человеческой жизни.

Таким образом, Толстой изображает человека в его неразрывном единстве со стихией природы. В пейзажах писатель выражает свои философские взгляды, отношение к историческим событиям, свою любовь к России.